

I.

Главный режиссер театра расхаживал по кабинету и шумел. Директор картины был корректен, но тверд. Спорили.

— Локтев репетирует роль Глуховцева! Мы выпускаем «Дни нашей жизни» в декабре!

— В декабре он будет ваш.

— А что я буду с ним делать в декабре?! Он нужен сейчас, на репетициях.

Спор разрешается приездом режиссера фильма «Туннель» Франциска Мунтяну. Обаятельный и упрямый, он на ломаном русском языке (это всегда обезоруживает) разъясняет значение совместного советско-румынского фильма...

— То, что вы не отдаете Локтева, еще больше убеждает меня в том, что я правильно выбрал актера на центральную роль, — изящно завершает он инцидент.

ни говори, воспитан кинематографом. Он легко и сразу импровизирует, с большой готовностью ищет, пробует тут же, «на съемочной площадке».

С нескольких сценических репетиций сыграл Локтев роль Глуховцева, ту самую, от которой оторвал его фильм «Туннель». Его исполнение, крепнущее от спектакля к спектаклю, отличается какая-то удивительная душевная открытость, незащищенность. Малейшее душевное движение выражается в пластическом рисунке роли. Это воспитано в нем театром, режиссером Борисом Равенских.

III.

Еще одна тайна. Локтев пишет стихи...

Теплоход идет по Волге. То время между днем и вечером, когда огни уже зажжены, но еще не

ЧЕТЫРЕ ЗАРИСОВКИ ВМЕСТО ОДНОГО ПОРТРЕТА

Тот, о ком спорили, дожидается в приемной. Он предпочитает не вмешиваться. Роль Глуховцева давно желанна для молодого актера. Стать русским разведчиком лейтенантом Денисовым тоже увлекательно. Пусть выбирает судьба!

Судьба хорошо позаботилась об актере. Локтеву — двадцать шесть. «Прощайте, голуби», «Я шагаю по Москве», «Наш дом» — далеко не полный перечень фильмов с его участием. Его работы сразу были замечены. Благожелательные статьи, признание зрителей, острые конфликты с руководством театра. Киноартист должен сниматься, театральный актер должен играть на сцене. Отсюда — и мучения. Отсюда — готовность испытывать эти мучения вновь и вновь. Потому что Локтев не может уйти из кино. Потому что для него невыносимо покинуть театр.

II.

Мало кто знает о том, что, окончательно превратившись в Алексея Васильевича, Локтев раз в месяц, а то и чаще остается Лешей. Тем самым Лешей, который четырнадцатилетним школьником пришел в самодеятельный коллектив Дворца культуры автозавода. Это происходит в те вечера, когда артист Театра имени Пушкина играет свои старые роли в спектаклях народного театра ЗИЛ.

Последняя его работа в Театре имени Пушкина — «Разорванный рубль». Повесть Сергея Антонова привлекла Локтева сразу. И так же сразу «увидел» он своего героя Пастухова — молодого романтика, переделывающего жизнь. Пастухов у него был злой и ершистый. Очень нервный и резкий. Мы много спорили. Я всячески пытался разбить это представление. Не так-то легко! Локтев отличается убежденностью и упорством...

Прошло два месяца репетиций.

— Я понял, какой Пастухов...

Он понял это во второй раз. С тех пор Пастухов стал изменяться. Новый был доверчивым, нежным, доброжелательным. Две трактовки смешались, и на первом спектакле сосуществовали на сцене два Пастухова — новый и прежний. Шла трудная ломка. Еще спектакль...

— Может быть, второй акт играть по-другому?

— Как по-другому?

Мы проговорили полчаса. Всего полчаса. Вечером Локтев сыграл второй акт по-новому. Я был ошарашен. Как же можно — так быстро? Потом понял — он был готов к перестройке, промучившись три месяца. И еще — Локтев, что

отразились в воде. В салоне теплохода артисты Театра имени Пушкина.

Локтев читает... Называется стихотворение «Первый снег».

Врач сказал: «Вам нужен

покой».

И вот я есть покой, от слова

покойник.

Лежу на постели, застланной не

материнской рукой.

Я первого снега поклонник...

Я и не знал, что он сочиняет стихи. Этого почти никто не знает в театре. Стихи складываются по ходу жизни, для себя. Это написано в больнице...

Пропустите ко мне снег,

На который еще не упали

отпечатки улицы.

Пропустите ко мне снег,

На который еще не упали

отпечатки города,

Который еще не протыкан

шпильками модных девиц...

Дело, конечно же, не в качестве стихов, а в поэтическом «настрое», в ритме раздумий...

IV.

Кончился спектакль. И — нервный подъем, и усталость, и желание узнать, как было сегодня.

— А что, если в следующий раз попробовать сыграть финал по-другому? Как? «Следующий раз» манит Локтева. Следующий раз!.. То самое, что невозможно в кино. В кино не может быть и этой обжигающей встречи со зрителем. Зрителем — часто противником, которого надо привлечь на свою сторону, сделать своим соучастником, другом своего героя. ...В этом сражении, ежедневной схватке за дорогие тебе мысли проверяется многое — и духовная убежденность, и технологическое вооружение. Общение со зрительным залом многому учит. Гражданская ценность твоего искусства, его необходимость, наполненность — все подвергается испытанию.

Каждая роль — это встреча с новым, неизвестным человеком, за поступки и мысли которого актер берет на себя полную ответственность. Каждая роль — дело гражданской совести художника. Так думает Локтев, так стремится играть. В кино. На сцене.

То, о чем рассказано здесь, не войдет в очередной кинофильм. Нов в конечном счете, кажется мне, театральная работа, раздумья и стихи Локтева определяют его жизнь в киноискусстве. И пусть они остаются «за кадром»! Качество «закадрового материала» определяет ценность «отснятого». Не так ли?

О. РЕМЕЗ,
режиссер Театра имени
А. С. Пушкина.